

Денис Петрикеев. Фото: РосУзник

11.03.2014, 09:19 Москва

свой опыт

«Дело Решеткина», или Как в ОВД фамилии придумывают

24 февраля на Тверской улице вместе с сотнями вышедших против приговора обвиняемым по «Делу восьми» был задержан Денис Петрикеев. В ОВД он отказался представляться. Как мы можем судить из практики, чаще всего людей, отказавшихся представляться, просто оставляют в ОВД на ночь, а потом либо их личность удастся каким-либо образом установить, либо их вообще отпускают, чтобы не возиться, либо, если задержанные, по мнению полицейских, слишком громко требуют соблюдения прав, им **вызывают перевозку психиатрической помощи**. В этот раз полицейские предприняли уникальный ход — придумали задержанному новую фамилию. Под фамилией Решеткин суд приговорил Петрикеева к 10 суткам административного ареста. После этого его долго возили из ОВД в спецприемники и обратно, поскольку без документов его принимать не хотели. Подробности этой истории рассказывает сам Денис Петрикеев.

Денис Петрикеев:

24 февраля. Меня задержали на углу Тверской и Охотного ряда. Сначала я подошел на Манежную, успел еще туда зайти, пока ее не перекрыли. Там было несколько знакомых, постояли полчаса, это было где-то в начале седьмого. Потом, видимо, перекрыли все, народ туда не подтянулся, нас попросили выйти, и мы решили, что лучше быть с народом и не винтиться в одиночестве на Манежке. И пошли по переходу к Госдуме. Только я вышел из перехода, вижу — стоят знакомые. Я подошел. Рядом оказался Андрей Семенов с покрышкой. Я поздоровался с ним, и тут к нему подбегают двое или трое омоновцев, хватают и начинают тащить. Я, естественно, по привычке в него вцепляюсь, начинаю кричать: «Что вы делаете?! Зачем вы похищаете людей с улицы?! Вы не имеете права! Вы нарушаете закон! Вы не представились!» — ну и так далее, как всегда. Но они, естественно, ребята крепкие, потащили и покрышку, и Семенова, и меня к автозаку. Закинули сначала его, потом меня. Наверно, это было самое первое задержание, приблизительно в 19:00. Потом в автозак натолкали в общей сложности 28 человек, три часа возили по разным ОВД, которые нас не принимали, — сначала привезли в «Пресненский», потом в «Замоскворецкий», потом на старую территорию ОВД «Красносельский», потом на новую.

Когда нас привезли на новую территорию «Красносельского», всех ввели в зал, народ там сидел, тосковал, в журнал регистрации доставленных нас долго не записывали. В общем, все как-то скучно было, да еще днем было оглашение приговора — людям реальные сроки дали. Как-то на меня все это угнетающе подействовало, и я решил, что не буду-ка я сегодня представляться, пойду по жесткому варианту. И когда до меня дело дошло, я сказал, что поскольку считаю действия людей в омоновской форме на улице и сотрудников полиции

в отделе незаконными, я отказываюсь с ними сотрудничать и не буду представляться. Пока остальных людей оформляли, приходил начальник службы участковых майор Сергей Шуклин, немножко угрожал: «Раз вы не представляетесь, мы вас сейчас по полной будем оформлять!» Я так понимаю, что имелась в виду статья 19.3 и 15 суток, но он не разъяснял. Есть свидетели того, как он мне угрожал, люди готовы подтвердить, хотели выступить в суде в мою защиту.

Всех отпустили по 20.2, остались только трое — Петр Царьков, Семенов и я. Я один не представлялся. Семенов сначала тоже не представлялся, потом все-таки решил представиться, но его все равно оставили. (Позднее Андрей Семенов был приговорен к 13 суткам ареста. — *ОВД-Инфо.*)

25 февраля. Я сижу сутки в ОВД. На вторые сутки ко мне обращаются майор Шуклин и временно исполняющий обязанности начальника отдела Цуканов — пытаются добиться от меня, кто я такой на самом деле. Получили только ответ на вопрос «Как к вам обращаться?» — я назвал только имя. Дальше они пытались воспользоваться изъятым у меня телефоном. Включить они его не смогли, поскольку он запаролен, но достали из него сим-карту, вставили в свой телефон и позвонили на единственный скопированный на сим-карту номер, — номер моего старшего сына. Позвонили и сказали ему, что нашли на улице валяющийся телефон, хотели бы вернуть и спрашивали фамилию владельца. Сын сориентировался, передал трубку матери. Жена, которая догадывалась, где я, сказала: «Нам сейчас некогда разговаривать, нам не до этого». Потом они проверили по «Папилону» мои пальцы — нет ли моих пальцев в какой-нибудь базе данных по розыску. («Папилон» — установленная в некоторых ОВД автоматизированная дактилоскопическая информационно-поисковая система, сопоставляющая отпечатки пальцев с имеющимися в базе. Отпечатки

пальцев при этом сканируют, а не пачкают краской, это так называемая технология бескраскового дактилоскопирования. В соответствии с **законом о государственной дактилоскопической регистрации**, дактилоскопии могут быть подвергнуты «совершившие административное правонарушение, если установить их личность иным способом невозможно». — *ОВД-Инфо*) Я был чист, пальцы у меня до этого никогда не откатывали. Краем уха я слышал, что они хотели вычислить меня по фотографиям, может быть, по Центральному округу — видимо, не нашли, поскольку я в Центральном округе не проживаю.

Срок моего пребывания в ОВД уже заканчивался, а у них, видимо, было большое желание меня засадить. Но чтобы отправить дело в суд, им нужно было придумать мне какую-нибудь личность. И они придумали легенду, что я в присутствии двух понятых назвался Решеткиным Денисом Мартыновичем 1971 года рождения, проживающим по такому-то адресу. Естественно, и по адресу такому я не проживаю, а сам Решеткин Денис Мартынович вообще не существует: в федеральной базе такого человека нет. Никаких моих подписей нигде не было, было написано, что я от подписи отказывался. Дело отправили в Тверской суд к судье Александру Стеклиеву.

Комментарий старшего юриста Правозащитного центра «Мемориал» Кирилла Коротеева:

Вообще говоря, это случай для нашей практики, как я понимаю, редкий. Самое первое и самое главное, что там не было сделано, это не была установлена личность лица, привлекаемого к административной ответственности, при этом не только ОВД, но и судьей. Для полиции это довольно сложная ситуация, я это понимаю. Но они

должны были установить его личность до того, как отправлять его в суд. У них на это было 48 часов и, как я понимаю, они могли бы в них уложиться. Я не могу придумать за полицию, как она должна устанавливать личность человека, у которого нет документов.

Денис Петрикеев:

26 февраля. В среду меня отвезли в Тверской суд, где Стеклиев пытался установить мою личность. Я сказал, что, пользуясь 51-й статьей Конституции, отказываюсь себя называть, и единственное, о чем я могу заявить, это то, что я не Решеткин. На это Стеклиев мне ответил: «Ну и что, какая разница? Что же вы думаете — если человек совершил какое-то преступление, кого-то убил, но при этом никак не называется, он должен избежать наказания? Нет, конечно же!» И совершенно спокойно осудил меня и впалял десять суток. Перед этим он огласил рапорты, протоколы. Меня сопровождал какой-то участковый из отдела. Судья спросил, кто составлял протоколы, участковый встал и сказал что-то вроде того, что он сам их не составлял, но все это дело, рапорты и протоколы, вместе подшивал. Это прокатило. Адвоката у меня, конечно, не было, поскольку меня судили как Решеткина, а не как меня самого. А от имени Решеткина я не мог договариваться с адвокатом, поскольку заявлял, что я не Решеткин. Ходатайства я тоже не мог подавать. После приговора меня спросили, буду ли я расписываться, я сказал, что не могу, поскольку я не Решеткин. После этого копию постановления мне не дали, хотя, насколько я понимаю, обязаны были мне ее дать в любом случае — не важно, расписался я или нет.

В распоряжении ОВД-Инфо есть копия постановления Тверского суда, в котором говорится, что суд «принимает во внимание заявление привлекаемого к административной ответственности о том, что он не является гражданином Решеткинским Д.М., однако

с учетом его отказа предоставить суду какие-либо свои реальные данные и имеющегося в материалах дела рапорта сотрудника полиции, где зафиксировано, что задержанный в присутствии понятых представился Решеткиным Д.М., суд считает возможным рассмотреть данное административное дело по имеющейся информации».

Комментарий Кирилла Коротеева:

Если человека привозят в суд, у него нет документов и он говорит, что его зовут не так, как говорят полицейские, судья должен установить его личность в состязательном процессе, то есть заслушать, какие есть доказательства у полиции. И если полиция не может доказать, что это тот самый человек, то судья должен отпустить этого человека, потому что, как сказал другой судья Тверского суда в другом процессе, «вы что тут, людей совершенно ни за что хватаете?». (А ведь так оно и было.) В нормальной ситуации, когда полиция хватается людей за какие-то проступки и преступления, она, в общем, более или менее представляет себе, кого конкретно она хватается. А тут мы действительно находимся в ситуации, когда полиция хватается кого ни попадя когда ни попадя и потом не может установить, кого же она схватила. Это не проблема людей, которых она схватила людей, а проблема полиции.

Когда человека судят за убийство, у полиции, как правило, есть по крайней мере доказательства, подтверждающие личность, если уж не доказательства совершения убийства (как мы знаем, у нас есть люди, которые сидят по недоказанным обвинениям). В такой ситуации судья Стеклиев был бы прав. В ситуации, когда полиция хватается всех, это просто не работает.

Денис Петрикеев:

Потом меня повезли обратно в ОВД, чтобы оформить бумажки и сдать на баланс спецприемника. Тут мне откатали пальцы как Решеткину. Скажу сразу, что у меня была идея совершить небольшую махинацию: осудиться как посторонний человек, а дальше, заехав в спецприемник, попытаться оттуда выйти как гражданин, неправильно туда попавший, то есть легализоваться, назвать свою фамилию и сказать, что я нахожусь в спецприемнике незаконно, в результате ошибки. Мне надо было, чтобы меня засняли на въезде в спецприемник как подтверждение, что меня туда доставили, и нужен был человек, который привез бы мои документы, подтвердил бы мою личность и был бы достаточно боек, чтобы отбить меня, не отдавая мои документы. Когда меня везли в суд, мне вернули изъятые вещи, в том числе телефон, я позвонил знакомым людям, и на моем суде присутствовал знакомый. Потом, когда вечером меня повезли в спецприемник № 1, я тоже позвонил знакомым, и они там меня снимали. Меня везли трое полицейских в обычной патрульно-постовой машине, меня было хорошо видно. Меня засняли и передачу передали.

Но план обломился, поскольку не был как следует подготовлен и продуман. В спецприемник № 1 меня не приняли — скорее всего по моей вине. Дело в том, что когда меня пытались передать в спецприемник, там начали смотреть документы, в том числе дактилоскопическую карту на имя Решеткина. Она не была подписана, и работники спецприемника дали мне ее подписать. Мне бы, дураку, взять и подписать ее, а потом объяснить, что я не заметил, на чье имя она составлена. Тогда я, возможно, заехал бы в спецприемник. Но я честно сказал, что подписывать не буду. Меня спросили, почему. Тут мне бы смолчать, сослаться на 51-ю статью Конституции или сказать, что я просто не желаю этого делать. Но я сказал, что не могу подписывать карту, потому что я не Решеткин. Тут у них и наступило

прозрение: они начали проверять документы, увидели, что нет подтверждения моей личности, то есть паспортных данных, стали пробивать по базам данных и поняли, что такого человека просто не существует. Уж не знаю — то ли у них такие коллизии уже были, то ли они быстро догадались, что к чему, то ли поняли, что у них будут проблемы, то ли слишком ретиво исполняют законы. Но они отказались меня принимать. И меня отвезли обратно в «Красносельский».

27 февраля. На следующий день меня попытались отвезти в спецприемник № 2, в Мневниках, новый. Похоже, там уже знали про Решеткина — подозреваю, что им позвонили из первого спецприемника и успели предупредить. Когда они услышали фамилию Решеткин, они сказали: «Знаем, знаем. Такого мы не примем». Меня опять повезли назад в ОВД «Красносельский». После этого в первый спецприемник меня уже не возили, но несколько раз пытались сдать во второй. Во второй раз меня повезли в Мневники вместе с Царьковым, которому дали семь суток. Его приняли сразу, а меня опять не приняли. Всего меня в Мневники возили пять раз и сдали туда только 1 марта утром, примерно в 09:30 — 10:00. Причем они не просто так меня возили, они пытались каждый раз какую-нибудь новую справку сделать, что-то еще переделать, подделать, чтобы меня все-таки приняли в спецприемник. Например, в деле была поддельная справка о том, что я как Решеткин якобы обращался к начальнику отдела об утере паспорта, то есть они пытались таким образом обосновать, что у меня нет документов.

В распоряжении ОВД-Инфо есть копии этих справок, в некоторых из них вместо «Решеткин» написано «Решетник» или «Решетников», кроме того, ошибочно указана статья 19.1, то есть самоуправство. Многие справки, как и другие приложенные к делу документы, без даты. В одной из них указано как то, что «Предоставить

реальные данные о себе Д. М. Решеткин отказался», так и то, что Решеткин «подвергнут административному аресту под анкетными данными, представленными им при задержании». Есть и справка (также без даты), в которой говорится: «Настоящая справка выдана гражданину: Решеткину Денису Мартыновичу, 24.07.1971 г.р. уроженцу: гор. Москва, зарегистрированному по адресу <...>, в том, что он действительно 26.02.2014 года [то есть через два дня после задержания] обращался в ОМВД РФ по Красносельскому р-ну г. Москвы по факту пропажи следующих документов: паспорта гражданина РФ на его имя. Принятыми мерами розыска обнаружить утраченные документы не представилось возможным. Справка дана для предъявления по месту требования». В карточке движения, составленной дежурным ОМВД России по Красносельскому району капитаном полиции В. А. Калининым, также без даты, говорится, что Решеткин содержался «в ОМВД России по Красносельскому р-ну, г. Москвы, с 19 час. 30 мин. 24 февраля 2014 г. по настоящее время», при том что в ОВД 24 февраля его доставили сильно позже.

Как я впоследствии узнал от старшего смены, ему просто приказали меня принять. Ему, видимо, приказал начальник спецприемника подполковник Бычковский, а тому, как я понимаю, звонили из главка, причем перед этим в течение нескольких дней шло бодалово между ОВД и спецприемником. Видимо, у ОВД была посерьезнее рука в главке, и они победили. Или же они очень умные и поняли, что если меня примут в спецприемник, возможно, мои документы всплывут, и они узнают, кто я на самом деле. Но это, по-моему, из разряда фантастики.

Кстати, пока я находился в ОВД «Красносельский», меня за все дни кормили официально всего лишь один раз — 25 февраля на ужин (административно задержанным обязаны предоставлять горячее питание — ОВД-Инфо). Больше не кормили и даже не предлагали. Я держался

сугубо на передачах, которые получал в суде и у первого спецприемника. На вторую ночь мне дали матрас и подушку с одеялом. С первой же ночи Семенову, Царькову и мне раздали комплекты постельного белья — наволочка и две простыни, видимо, одноразовые, я такого материала никогда не видел. Все это время в ОВД я находился в камере для административно задержанных. (Отметим, что срок административного задержания в ОВД не может быть больше 48 часов. — *ОВД-Инфо.*)

1 марта. Меня приняли в спецприемник. К этому моменту я знакомым отправил сообщения, что план отменяется, я уже спокойно досижу свои пять суток. Но почему-то они решили по-другому и подали жалобу в прокуратуру о том, что в спецприемнике находится не тот человек, а также попросили мою жену приехать в спецприемник с моим паспортом и написать заявление о том, что ее муж находится в спецприемнике, не являясь осужденным. К вечеру она приехала. К сожалению, она не из боевых и делала все не совсем так, как надо было. Она дала паспорт в руки начальнику спецприемника, он ее, видимо, больше часа опрашивал, пытался составить заявление или протокол — в общем, тянул резину, поскольку в это время вызвали сотрудников ОВД «Красносельский», то есть он просто ждал их приезда. В это время он успел вызвать меня из камеры на очную ставку, на которой жена подтвердила, что я являюсь Петрикеевым Денисом Анатольевичем, ее супругом, и не являюсь Решеткиным. После этого мне сказали собираться, я собрал все свои вещи, вышел — думал, что сейчас выйду на свободу, но не тут-то было. Сотрудники ОВД «Красносельский», забрав мой паспорт у начальника спецприемника, заодно забрали и меня, вывели из спецприемника, посадили в патрульно-постовую машину и отвезли назад в ОВД. Таким образом, я не просидел в спецприемнике и суток. Поскольку это был вечер субботы, дежурный судья не работал, и я просидел в ОВД до понедельника.

3 марта. Меня повезли в Тверской суд. Но поскольку в субботу была подана жалоба в прокуратуру, получилось так, что районным судом все не обошлось, а прокурор Тверской межрайонной прокуратуры подал жалобу. И рассмотрение дела по этой жалобе было назначено на следующий день в Московском городском суде. В Тверском суде мне дали расписаться в повестке, что мое дело будет рассматриваться в Мосгорсуде, я расписался, и меня спокойно увезли назад в ОВД «Красносельский», где я пробыл до следующего дня.

Комментарий члена юридической комиссии «Солидарности» Дениса Юдина, выступившего общественным защитником Петрикеева:

Протест прокуратуры заключался в следующем: так как открылись обстоятельства и арестованный Решеткин на самом деле является Петрикеевым, постановление судьи Тверского суда подлежит изменению в плане уточнения анкетных данных привлекаемого лица. Имеющееся постановление для отбывания наказания в таком виде оставлено быть не может, должны быть изменены анкетные данные.

Денис Петрикеев:

4 марта. Меня доставили в Московский городской суд, где должно было быть рассмотрение по жалобе прокурора. Подошли мои знакомые, один из них, Денис Юдин, вызвался быть моим защитником. Я ходатайствовал о привлечении Юдина в качестве моего защитника. Поскольку я был уже под своей фамилией, я мог подавать ходатайства. Суд был назначен на 11:30. Судья по списку заседаний, это было первое заседание в день, и на него отводилось всего лишь двадцать минут. Когда мы вошли в зал суда, вышла судья (Анна Андриясова — *ОВД-Инфо*),

еще не объявив о начале судебного заседания, открыла дело, пролистнула пару страниц, ужаснулась, как я подозреваю, потому что не знала, что делать. Она сказала: «Подождите», — и ушла в совещательную комнату, после чего мы целый час ждали. Через час она вышла и сказала: «Выйдите пока из зала, вас будут судить позже», — и стала рассматривать дела, которые были дальше по списку. Было подозрение, что-либо ждут прокурора, который не явился с утра, либо ждут свидетелей — омоновцев, которые меня задерживали, чтобы подтвердить, что они задерживали не какого-то Решеткина, а именно меня. Но это было лишь подозрение — на самом деле, ни прокурор не явился, ни омоновцы. Я думаю, что она ждала какого-то решения сверху.

Через два часа нас неожиданно вызвали, и заседание началось. Ходатайство о привлечении Юдина в качестве защитника судья удовлетворила и дала нам полчаса на ознакомление с делом. До конца мы досмотреть материалы не успели, поскольку судья нас торопила. Я ходатайствовал о привлечении свидетелей моего задержания и угроз майора Шуклина. Эти ходатайства судья отклонила. Юдин подал ходатайство о приобщении к делу свидетельств о рождении моих несовершеннолетних детей, поскольку я являюсь многодетным отцом, что было принято. Он также подал ходатайства о вызове в суд омоновцев, которые меня якобы задерживали, и понятых, которые должны были подтвердить, что я при них назвался Решеткиным. Эти ходатайства судья отклонила. После этого она выслушала мои разглагольствований о том, что со мной происходило, где я был, как меня задержали, как я в ОВД промаялся, почему не назывался. Дальше мой защитник очень дельно и обстоятельно рассказал, где в деле недочеты и нестыковки. По-хорошему, после всего этого, на мой взгляд, меня должны были тут же освободить, да еще

и извиниться. Но произошло совершенно другое: судья вышла в совещательную комнату, потом вернулась и тихим шепотом прочла то, что написано в делах, и постановила оставить приговор Стеклиева без изменений, только под моей настоящей фамилией. Срок остался тот же, с 24 февраля до 6 марта, то есть мне оставалось меньше двух суток в спецприемнике. Самое интересное, что после заседания судья сказала: «Подождите еще пару часов до половины шестого», — потому что она должна была выдать постановление суда. Но в канцелярии выдали одну-единственную бумажку — постановление для конвоя, чтобы меня отконвоировали в ОВД. Ни мне, ни моему защитнику вообще ничего не выдали, то есть все наши законные права были нарушены.

Комментарий Дениса Юдина:

Судья, видя, что ее речь фиксируется аудиозаписью, старалась бубнить так, что было вообще ничего не слышно, при том что я стоял к ней ближе всех. Пришлось сделать еще несколько шагов в ее сторону, чтобы хотя бы что-то понимать. При том что зал был оборудован громкоговорящей связью и ей достаточно было включить микрофон и говорить хоть шепотом. Она прекрасно понимала, что не хочет читать то, что потом может быть оспорено, и не выдавала копию постановления несмотря на то, что читала полностью. Она предполагала, что будут какие-то неточности и корректировки и оставляла себе время, с тем чтобы в бумаге это исправить. Постановление мне почему-то было сказано получить в Тверском суде.

Комментарий Кирилла Коротеева:

Передавать постановление в суд первой инстанции незаконно, но такая практика существует. КоАП не предусматривает возвращение дела в суд первой инстанции после оглашения резолютивной части, как это

предполагает ГПК или УПК. КоАП предусматривает только провозглашение решения полностью. Однако в Мосгорсуде очень часто, почти всегда постановление провозглашается только в резолютивной части, после чего дело возвращают в суд первой инстанции, и только там можно получить постановление Мосгорсуда. Никаких правовых оснований это не имеет, так же, как вообще откладывание провозглашения мотивировочной части в любом процессе по КоАП. Судья Наталья Чепрасова в Замоскворецком суде вообще ничего не провозглашала в одном нашем деле — просто секретарша вынесла постановление и сказала «Распишитесь».

Изобретательность судебной системы в какую-то нехорошую сторону доходит до невозможных пределов, а чтобы соблюдать права — с этим намного хуже.

Судя по всему, апелляционная инстанция все-таки исследовала вопрос о правонарушении. В принципе, если мы допускаем нормальность происходящего, состав правонарушения два раза исследовался в судах, просто под разными фамилиями, но суд не сомневается, что это был один и тот же человек. Другой вопрос, что он не мог допрашивать полицейских, показывавших против него, и вообще эффективно оспаривать обвинение. Но, как я понимаю, то, что судья первой инстанции не установил личность, во второй инстанции было исправлено. Серьезные нарушения процессуальных прав, связанные, например, с возможностью допросить свидетелей, имеются, но они не специфичны для его дела, это происходит сплошь и рядом.

Денис Петрикеев:

Я опять оказался в ОВД «Красносельский». Они любят ездить как можно позже, чтобы меньше пробок было, поэтому в спецприемник меня привезли где-то в двенадцать ночи. Там меня уже спокойно приняли, поскольку документы были в порядке, паспорт был

в наличии. И оставшуюся часть срока я спокойно отбыл в спецприемнике. Там очень хорошие условия, поскольку он новый, все еще чистенькое, свеженькое, хорошие бытовые условия, кормили хорошо, постельное белье есть, подушка, одеяло, матрас. Люди не буйные. 6 марта в 19:30 меня освободили.

P. S. В целом, могу сказать, что приобрел интересный опыт. Я посмотрел, как работает отдел. Видел, как привозили задержанных 2 марта на антивоенном сходе. К нам привезли девять задержанных, но еще до этого, днем, в два часа, я краем уха слышал, что прошла команда из главка людей обязательно закрывать по 20.2 и 19.3. Сотрудники полиции не боятся, что их услышат, и совершенно спокойно все обсуждают. Трех задержанных оставили на ночь, но я не понял, по какому принципу. За почти восемь суток, что я находился в КАЗе, ко мне подсаживали разных людей, с разными судьбами, интересно было поговорить. Обращались со мной, в целом, нормально. Со стороны высоких чинов, майоров и выше, было пренебрежение, смотрели с таким видом, будто хотели сказать «Как же ты нас достал! Сколько же тут можно находиться тебе!».

Болотное дело

Уголовное дело, заведенное после столкновений в Москве на Болотной площади 6 мая 2012 года. Преследованию подвергнуто более 30 человек, одно из самых крупных политических дел современной России.

109 446

Болотное дело. После приговора.

6 21

